

Е.В.Петрухина, А.Румянцева (Москва, МГУ)

**КОЛЛЕКТИВНОЕ И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ В РУССКОМ ИМЕНИ:
ЛЕКСИЧЕСКАЯ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ**

СЕМАНТИКА ИМЕН СОВОКУПНОСТЕЙ ЛЮДЕЙ //Международный сборник статей «Словообразование и лексикология. Рефераты на десета Международна конференция на Комисията по славянско словообразуване при Международния комитет на славистите (София, 1-6 октомври 2007)». София: – Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2009 (в соавторстве с А.В. Румянцевой), с.129–145

В статье на материале русского языка рассматривается взаимодействие словообразовательных, лексических и грамматических способов номинации множеств людей, представление степени дискретности таких множеств в зависимости от языковой формы их выражения и корреляции с именем отдельного члена коллектива. Анализируется разная интерпретация *nomina collectiva* в русской языковой картине мира, в частности сочетание и противодействие в их семантике таких признаков, как целостность множества и отдельность его членов.

1. Вступление. Традиционная лингвистическая тема – собирательные имена и способы номинации множеств в языке – в статье рассматривается с точки зрения соотношения лексической, словообразовательной и грамматической семантики. Ставится вопрос, как влияет (и влияет ли) на семантику имен множеств отражение во внутренней форме имени связи с номинацией конкретного члена множества. Данный вопрос изучается на русском материале имен людских множеств (*nomina collectiva*), позволяющем наглядно представить способы языковой концептуализации внеязыкового содержания. Если относительно предметных множеств можно говорить о разной степени их дискретности во внеязыковой действительности, то множества людей – это всегда множества отдельностей. «Элементы любого множества людей в нашем восприятии физически отделены друг от друга и каждый из них воспринимается как нечто индивидуальное... по крайней мере отдельное» (Руденко 1996: 201). Тем не менее в языке имеются такие способы представления множества людей, которые противоречат дискретности его элементов. В данной статье основное внимание уделяется выражению степени дискретности множества людей в зависимости от языковой формы, а также концептуальному обоснованию различных способов представления совокупностей людей в русской языковой картине мира (ЯКМ).

2. Отражение научного (математического) знания в ЯКМ. Широко известно, что «наивная картина некоторого участка мира может разительным образом отличаться от чисто логической, научной картины того же участка действительности, которая является общей для людей, говорящих на самых различных языках» (Апресян 1974: 320). Ю.Д. Апресян ставит задачу изучения «воплощенной в данном языке наивной картины мира – наивной геометрии, физики, этики, психологии и т.д.» (Апресян 1995: 351). Б.Ю. Норманн показывает, что «выражения математического происхождения, входя в общеупотребительный словарный запас, в речевой обиход, утрачивают свою научную специфику и подстраиваются под систему наивно-математических понятий, уже сложившуюся в голове у носителя языка – таких, как «много», «мало», «приблизительно», «в высшей степени», «полностью» и т.п.» (Норманн 2004: 367). Имеются в виду такие выражения, как *два пишем, три в уме* – ‘имеется в виду что-то другое’; *как дважды два (четыре)* – ‘просто, са-

мо собой разумеется»; *вынести за скобки* – ‘отвлечься от чего-то; не принимать во внимание что-то’ и др. При этом анализ некоторых ономазиологических языковых категорий, таких как время (Петрухина 2006), количество, показывает, что они отражают не только обыденное, или наивное, но и научное (в данном случае физическое и математическое) знание. И.А. Бодуэн де Куртенэ считал, количественная сторона языкового мышления и количественное математическое мышление должны рассматриваться вместе (Бодуэн де Куртенэ 1963: 312). Обыденные представления о множестве отражаются в семантике некоторых лексических единиц, прежде всего идентифицирующей эти представления лексемы *множество*, которая в словарях толкуется как ‘очень большое количество кого-то, чего-то’. Семантика же грамматической категории числа имен существительных отражает математические представления о множестве; близка этим представлениям также семантика словообразовательной категории собирательности. Кроме того, за именем совокупности людей может стоять целая идеология, т.е. система мировоззренческих взглядов (об этом см. в заключительных разделах статьи).

В математике понятие множества принадлежит к числу простейших понятий, поэтому в математике, как и в лингвистике, его определение опирается на интуитивное понимание множества как совокупности любых объектов, объединяемых нашей мыслью. В работе “К обоснованию учения о трансфинитных множествах” Г. Кантор, автор одной из теорий множеств, получившей широкое распространение, дает следующее определение множества: «Под множеством мы понимаем соединение в некое целое M определенных хорошо различимых предметов m нашего созерцания или нашего мышления (которые будут называться элементами множества M)» (Кантор 1985), см. также (Медведев 1965). Если соотнести приведенное определение с языковыми данными, то можно сделать несколько предварительных выводов. Во-первых, количество предметов больше, чем один (например, два) уже составляет множество. Это противоречит семантике лексемы *множество* и соответствует категориальной семантике множественного числа имен существительных (*два ученика* – это уже *ученики*). Во-вторых, объекты объединяются во множество во человеческой мысли на основе какого-то их общего свойства. Это также отражается в семантике множественного числа имен существительных, форма которого выражает дискретное множество однородных предметов и лиц в отвлечении от особенностей каждого предмета (*книги, студенты, яблоки*), т.е. предметы объединяет их имя. Объединение предметов во множество на основе общего признака в математической теории множеств не исключает иерархических отношений между его членами, предполагающих сложную структуру самого множества. В русском языке такие множества обычно выражаются лексическими средствами (ср. *семья, армия, правительство*). В-третьих, математическое определение множества предполагает его целостность. В языке целостность множества может быть выражена различными средствами – лексическими (*семья, армия*), словообразовательными (*правительство, клиентура*), грамматическими в сочетании с лексическими и контекстными (ср. *В этом шкафу стоят все книги этого автора*).

В языке можно найти соответствующие имена для различных типов множеств, выделяемых в математической теории и встречающихся во внеязыковой действительности. Конечному множеству (finite set), содержащему определенное (конечное) число элементов соответствует, например, *квартет*, состоящий из четырех музыкантов; эквивалентному множеству (equivalent set), имеющему взаимно однозначное соответствие с другим множе-

ством, при котором каждому элементу одного из них соответствует один единственный элемент другого и наоборот, отвечают разнообразные *спортивные команды – хоккейная, футбольная* и т.д. Нечеткое множество, образуемое на основе какого-нибудь произвольного свойства, может быть выражено описательными номинациями (например: люди, ведущие здоровый образ жизни, или люди, предпочитающие чаю кофе) и т.д. Бесконечное множество, одно из основных понятий в математической теории множеств, представление о котором вступает в противоречие с обыденным сознанием, тем не менее легко выражается формой множественного числа имен существительных в соответствующих словосочетаниях: *звезды на небе; точки на плоскости, четные числа*. Вообще, форма множественного числа многих существительных вне контекста выражает открытое, т.е. неопределенное и в некотором смысле бесконечное множество – *цветы, птицы, снежинки, деревья, дети* и т.д.

Таким образом, в русском языке существуют разнообразные способы выражения множеств: грамматические, лексические, словообразовательные, синтагматические, распределяемые в зависимости от типа множества и способа его представления. Так, открытые множества регулярно выражаются формами множественного числа существительных; закрытые множества – совокупности – выражаются 1) лексически: а) неизменными лексемами (*семья, полк, команда*), б) при помощи контекстно-семантической деривации – метонимии и метафоры (*ядро партии, факультет*); в) кванторами типа *весь* в сочетании с именами множеств разного типа (*весь факультет, все ее ученики*); 2) словообразовательными средствами (*студенчество, интеллигенция*); 3) грамматическими формами единственного и множественного числа в контекстно обусловленном родовом и обобщенно-собирательном значении (*Московский зритель на этот спектакль не пойдет; Немцы пунктуальны*); 4) словосочетаниями и описательными номинациями (*русский народ; участники форума, имеющие пригласительные билеты зеленого цвета*).

Типология множеств, разработанная в математике и логике, может быть уточнена и обогащена, если поставить вопрос о том, как представлено, концептуализировано то или иное множество в языке. Как уже говорилось, классические определения множеств в математике отмечают, что предметы объединяются во множества человеческой мыслью – на основе какого-то общего свойства отдельных предметов, которое позволяет воспринимать эти предметы как нечто целое. При номинации различных типов множеств естественный язык, в данном случае русский, может, во-первых, актуализировать один из признаков множества (однородность, отдельность его членов, равноправные или иерархические отношения между его членами, целостность множества как такового); во-вторых, затушевать, подавить какой-нибудь из конституирующих признаков множества, представляя особое восприятие того или иного множества. Особенности языковой концептуализации, с одной стороны, определяют, а с другой – зависят от способа выражения, от языковой формы, в том числе от внутренней формы соответствующей языковой единицы и ее формально-семантических связей. Большое значение для выбора языковой формы имеет однородность или неоднородность членов множества. Однородные множества могут быть выражены разнообразными средствами: грамматическими, словообразовательными, лексическими, описательными. Неоднородные множества, объединяющие на основе одного общего признака предметы и лица, различающиеся своими функциями, обычно выражаются лексическими средствами – исчислимыми именами типа *семья, команда*.

В русском языке есть возможность актуализировать следующие конституирующие признаки множеств: 1) однородность множества и одновременно отдельность членов множества за счет подавления целостности множества – при помощи форм множественного числа (ср., например, открытые и неопределенные множества в следующих предложениях: *В этой олимпиаде участвуют только школьники*; *Мы собирали опавшие листья*); 2) целостность множества (т.е. совокупность), не подавляя однородности и отдельности его членов, – при помощи словообразовательных средств, а именно суффиксов с собирательным значением (*студенчество, листва, детвора*); 3) целостность множества за счет подавления однородности его членов, при этом общий признак членов, на котором базируется множество, сочетается с функциональными или другими иерархически организованными различиями членов множества. В последнем случае целостность подчеркивается новым именем, которое получает совокупность (группа) объектов (ср. *семья, оркестр*); 4) подчеркнуть целостность множества и однородность его членов за счет ослабления дискретности множества (*электорат, элита*). Целостность множества объектов может быть ситуативная, основанная в речи на метонимическом переносе (*Весь автобус пел*; *Галерка может нам похлопать, партер – побренчать своими драгоценностями*); 5) актуализировать целостность и однородность множества, а также типичность отдельного его члена, как бы подавляя саму множественность – обозначая множество через типичного его представителя (родовое и обобщенно-собирательное значение форм единственного числа, ср., например: *Студент – это не тот, кого учат в ВУЗе, а тот, кто учится. Когда же наконец российский студент это поймёт?*); 6) при помощи языковых средств множество людей может быть представлено как однородная недискретная масса, т.е. с потерей конституирующего признака отдельности членов множества, ср.: *трудолюбивая масса, рабочая сила*.

В следующих разделах статьи рассматривается представление степени целостности, однородности и дискретности множеств людей в зависимости от языковой формы их выражения.

3. Способы актуализации целостности множества людей в русском языке

3.1. Имена групп и коллективов. Целостность некоторых совокупностей людей может быть в языке максимально актуализирована без подавления индивидуальности ее членов – при помощи лексем, имеющих фреймовую содержательную структуру, т.е. представляющих «пакет» знаний о стереотипной ситуации или объекте, в данном случае знаний о ролевой структуре и пропозиционной организации коллективного взаимодействия в рамках иерархически организованных совокупностей людей. Фреймовая структура знаний представляется в виде иерархически расположенных, взаимодействующих друг с другом субфреймов и составляющих их слотов, т.е. структурных элементов фрейма, заполнение которых приводит к тому, что фрейм ставится в соответствие некоторой ситуации, объекту или процессу (Минский 1978; Болдырев 2000: 37). Через фреймовую структуру можно рассматривать, например, такие совокупности людей, как *семья, правительство, баскетбольная команда*, в которых реализуются ролевые различия между членами совокупности. Так, фреймовая структура имен типа *семья* подразумевает наличие трех обязательных ролевых слотов: А: *муж/отец*; В: *жена/мать*, С: *ребенок (дети)/сын, дочь*. Фреймовая структура, состоящая из слотов: А: *родитель*; С: *ребенок / дети* соответствует уже другому концепту – ‘неполная семья’, а заполнение лишь слотов *муж* и *жена* – концепту ‘бездетная семья’. К необязательным слотам фреймовой структуры имени совокупности *семья*

относятся *дедушка, бабушка, дядя, тетя* и т.д. Организованное по такому принципу множество людей, связанных родственными отношениями, и характеризующееся также единством времени, получает свое имя – *семья*. Подобные имена типовых множеств, или групп, людей являются исчисляемыми и образуют форму множественного числа.

В модели «Смысл ↔ Текст» для обозначения синтагматических партнеров слова вводится термин «лексические корреляты» и предлагается описывать отношения между словом и его лексическими коррелятами с помощью «лексических функций» (Мельчук 1974: 78). Корреляция имени множества с именем отдельного его члена в этой терминологии рассматривается как лексическая функция *Sing*. У имен коллективов эта функция реализуется регулярно (ср. названные выше имена отдельных членов семьи). Частотной является также лексическая функция *Cap* (Мельчук 1974: 88), т.е. имеется особая номинация для «главы» коллектива, группы (*семья – глава семьи, оркестр – дирижер, правительство – премьер-министр, футбольная команда – капитан, тренер*).

3.2. Собираательные имена. Определение множества в математической теории (совокупность различных между собой элементов, объединяемых на основе общего признака или по некоторому правилу и имеющих одно имя, которое позволяет мыслить эту совокупность как единое целое и ссылаться на нее как на один объект) в полной мере соответствуют собираательные имена типа *студенчество, клиентура, интеллигенция*. При помощи словообразовательных средств множество людей (или предметов) представляется как единое целое, как закрытый класс, охватывающий все объекты, которые могут быть названы соответственно *студент, клиент, интеллигент*.

Собираательные существительные называют либо естественные и конкретные группировки людей (типа *клиентура, братия*), либо, чаще, отражают результат категоризации объектов действительности, не связанных единством места и времени, выступая именами классов (*человечество, потомство, чиновничество*). Так как собираательные имена охватывают всех членов данного класса, а этот класс не имеет взаимно однозначного соответствия с другим множеством, то собираательные имена не имеют форм множественного числа и, являясь неисчисляемыми, не сочетаются с числительными.

Собираательность не подавляет отдельность членов множества, а «собирает» отдельные однородные сущности в единое целое. Поэтому трудно согласиться с утверждением, что «совокупности, называемые такими существительными, как *студенчество*, формально представлены в языке как недискретные», «так, как если бы они не имели отдельных элементов» (Руденко 1996: 201, 200). На отдельные элементы целостного множества указывает внутренняя форма деривата – словообразовательная соотнесенность производного имени совокупности с именем отдельного члена данной совокупности как с производящей базой, например: *купечество ← купец, крестьянство ← крестьянин, казачество ← казак, студенчество ← студент, интеллигенция ← интеллигент, аристократия ← аристократ*.

Таким образом, для собираательных имен лексическая функция *Sing* регулярно реализуется при помощи словообразовательных средств, т.е. при имени множества имеется типовое однокоренное название одного члена собираательного множества. Словообразовательная соотнесенность собираательных имен с именами отдельных членов множества позволяет в представлении множества сочетать целостность с дискретностью – называть целостную совокупность отдельных сущностей. Поэтому вполне логично, что собираатель-

ность рассматривается в рамках словообразовательной модификации – к значению ‘студент’ добавляется значение целостного множества (грамматическое значение множественного числа – это тоже модификация).

Доказательством дискретности представления собирательными именами множеств в русской ЯКМ является возможная замена собирательных имен на формы множественного числа имен существительных. Ср. возможность такой замены без изменения смысла в следующих предложениях (здесь и далее приводятся примеры из электронных вариантов российских газет): *Все правильно говорит министр: **студенчество** (ср. **студенты**) как класс, безусловно, останется. Вот только поступить в ВУЗ с 2008 г. можно будет, лишь отслужив в армии; Ректорат, профсоюзный комитет, студсовет и **студенчество** (ср. **студенты**) ТГУ сердечно поздравляют коллектив преподавателей университета с Днем учителя!*

В некоторых контекстах такая замена ведет к утрате прагматического элемента значения собирательных имен, которое Д.И. Руденко определил как «оценку ‘важно’, с помощью которой оценивается вся описываемая ситуация» как особо значимая (Руденко 1996: 203). Такой прагматический элемент значения можно, например, усмотреть в следующих случаях: *Основой России были все-таки не дворяне, а **крестьянство**; **Казачество** осознало себя политической силой, и с этой силой вынуждены были считаться и центральная власть, и региональные руководители; Конечно, есть сейчас проблемы в преподавании, в музыкальном образовании в целом, **старая профессура** уходит, уезжает, но это все временное – русская фортепианная школа не умирает.*

Формальная организация производной лексемы – наличие словообразовательного суффикса иконически кодирует содержание, так что структурно маркированные элементы обычно оказываются сложнее в когнитивном плане: внешне усложняя номинацию, собирательные производные лексемы маркируют ее в данном случае оценкой особой важности – по сравнению с синонимичными формами множественного числа. В некоторых случаях качественные различия между собирательными существительными и синонимичными им формами множественного числа столь велики, что замена первых на вторые невозможна, так как ведет к утрате существенных прагматических элементов значения. К такому выводу приводит в частности сопоставление форм *интеллигенция* и *интеллигенты*. Лексема *интеллигенция* выражает социальный класс, когда-то очень активный, сыгравший большую роль в распространении марксизма в России и в победе Октябрьской революции, но в первые два десятилетия советской власти почти уничтоженный. Хотя интеллигенция как класс в конце 20-го в. потеряла целостность, пережив экономическое расслоение, как и все российское общество, а также социальную активность и политическое влияние, тем не менее на страницах прессы по-прежнему часто обсуждается (или вспоминается) социально-общественная и политическая роль интеллигенции. Ср.: *В Оксфордском толковом словаре в словарной статье «интеллигенция» есть специальный термин – «русская интеллигенция». И расшифровка: это люди, которые неравнодушны к судьбе тех, кому живется хуже, чем им; Судьбы репрессированных ученых еще раз показали, что интеллигенция всегда была самым «опасным» для власти классом; Интеллигенция в рыночных условиях не выжила.*

Интеллигент, как член этого социального класса, по толкованиям в современных словарях, представлен в русской ЯКМ двояко – с отрицательной или положительной кон-

нотацией: 1) это ‘человек умственного труда, нерешительный, склонный к сомнениям’; 2) ‘тот, кто отличается стремлением к знаниям, культурой поведения и твердыми нравственными принципами’ (ТСРЯ 1998: 271). Нередко два этих определения в представлениях об интеллигенте совмещаются, но в любом случае интеллигент в отдельности в русской ЯКМ не обладает социальной активностью и не влияет на современные социально-экономические процессы в обществе. Поэтому в следующих примерах замена собирательной лексемы *интеллигенция* на форму множественного числа *интеллигенты* маловероятна: *Ни одна из реальных сил в стране – ни политические партии, ни большой бизнес, ни интеллигенция – не осознает, что в сознании миллионов по-прежнему царит советская власть; Ни в одном государстве, ни в одной нации нет такой гигантской разницы между интеллигенцией и народом; И кто станет архитектором этой новой силы? Интеллигенция? – Роль интеллигенции в общественном развитии – это старый российский миф.* Аналогично не являются синонимами *мещанство* (как сословие) и форма *мещане*, имеющая отрицательную коннотацию.

Многие собирательные имена, являясь стилистически маркированными, выражают оценку ‘плохо’ – *солдатня, шоферня, офицерье, старичье*. При этом предикатные, признаковые элементы значения оценочных дериватов не подавляют их множественной семантики – подобные оценочные имена не могут быть употреблены по отношению к отдельному индивиду (*Он солдатня, шоферня, офицерье), в отличие от собирательных имен, внутренняя форма которых не связывает их с отдельными членами множества, типа *чернь, шпана* (см. ниже). Исключение составляет собирательные лексемы *начальство, руководство*, которые могут быть употреблены по отношению не только к множеству, но и к одному человеку. В таком употреблении проявляется либо уважительное и даже подобоострастное, либо ироничное отношение к начальнику. Ср.: *Начальство – Егор Сергеич – было поборником порядка и дисциплины, а его секретарша то и дело неуклюже разливала кофе, делала опечатки в важных договорах; Стояли на берегу, смотрели, как она [рыба] из воды аж выпрыгивает. «О чем там начальство думает?» Начальство разводит руками: «У нас сейчас каждым рыбьим хвостом занимается правительство», – говорит губернатор Машковцев; Вчера вечером к Б. Н. подошел первый секретарь обкома партии и жалобно спросил: что ему делать? Сопроводить его или нет – он вроде тоже руководство.*

Обратная замена (формы множественного числа личных существительных на однокоренные собирательные дериваты) невозможна в том случае, когда нереферентный универсальный денотативный статус собирательных имен вступает в противоречие с семантикой контекста – с обозначением конкретной ситуации, несоотносимой с целым классом. Ср.: *Самая мощная политическая сила во Франции — это крестьянство. Кроме де Голля, все президенты Франции были министрами сельского хозяйства. Там крестьяне* (ср. *крестьянство*) — *большая сила, крестьян* (*крестьянство) *нельзя разогнать дубинками.* В последнем предложении во втором случае *крестьяне* нельзя заменить дериватом *крестьянство*, так как генерический денотативный статус (все возможные референты) собирательного деривата вступает в противоречие со значением контекста, предполагающего конкретную ситуацию.

Тем не менее конкретное употребление собирательных имен, связанное с обыденными действиями, возможно, а в современных публицистических текстах довольно часто. Ср.: *Публика в консерватории изменилась, конечно. Раньше ходила публика интелли-*

гентная, **студенчество, молодежь**; Уникальный для России эксперимент по полной оплате донорских услуг **студенчеству** проводится сейчас в Первопрестольной. После того как на протяжении 20 лет **профессура и студенчество** “вкалывали” на полях Волоколамского района, местные власти решили воздать им за труды. Восемьдесят семей института стали счастливыми обладателями земельных участков в деревне Сычово Волоколамского района. Здесь наблюдается метонимическая номинация части (конкретного подмножества) по целому (по имени всего класса), что соответствует характерной для газетных текстов тенденции к гиперболизации, преувеличению.

3.3. Номинации актуально-ситуативных совокупностей. Иную структуру – позиционную, имеют номинации актуально-ситуативных совокупностей людей, основанные на семантической деривации, прежде всего метонимии. Регулярная метонимия – один из способов пополнения семантического поля личной собирательности с актуализацией целостности и ослабления дискретности совокупности. Коллектив людей представляется как единое целое без обозначения отдельных составляющих этого целого. При метонимии происходит перенос семантических функций обычно с актантов, т.е. участников ситуации, на сирконстанты, выражающих различные обстоятельства ситуации. Можно выделить следующие регулярные метонимические переносы, характерные для русского языка:

- 1) место – совокупность людей, находящихся в данный момент в одном месте: *Галерка может нам похлопать, **партер** – побренчать своими драгоценностями;*
- 2) место жительства – совокупность людей, проживающих в данном месте: *Страна у телевизоров ждет результатов выборов; **Город** подумал: ученья идут;*
- 3) организация, учреждение или их структурная часть – совокупность людей, принадлежащих / работающих в данной организации, данном учреждении, в отделе и т.д. (*редакция, кафедра, отдел, милиция, прокуратура*);
- 4) действие – совокупность людей, осуществляющих данное действие (*Сегодня **нападение** выглядело беззубо, **защита** играла хорошо*);
- 5) сфера деятельности (профессиональная, творческая, научная и т.д.) – совокупность людей, осуществляющих деятельность в данной сфере: ***Бизнес** жалуется на административные барьеры; **Вся эстрада** поет под фанеру;*
- 6) свойство – совокупность носителей данного свойства: *Его песни любила **беднота**; С любой одержавшей победу внутриафганской **силой** нужно вести переговоры;*
- 7) социально-политическое движение – совокупность людей, являющихся его сторонниками: ***Демократия** пытается добиться политической власти;*
- 8) мероприятие – совокупность людей, принимающих в нем участие: *И сейчас судно посещают **экскурсии**; **Консилиум** признал его здоровым;*
- 9) результат действия – совокупность людей, осуществляющих это действие: *Места для **прессы**;*
- 10) действие – совокупность лиц как объект действия: *Говорят, что завтра в институте собирается наш **выпуск**.*

Метонимические имена совокупностей не имеют форм множественного числа в том случае, когда речь идет о ситуативном объединении людей во множество в данный момент времени в данном месте. Наиболее регулярный метонимический перенос характеризует названия организаций – имя организации переносится на коллективы людей в них рабо-

тающих, при этом имя организации сохраняет исчисляемость и образует формы множественного числа. Употреблению метонимических номинаций совокупности людей свойственна гиперболизация. *Михаил Лифшиц читал нам факультативный курс эстетики, который посещал весь филологический факультет.* (Д. Самойлов); *Весь Московский университет вышел хоронить профессора истории Тимофея Николаевича Грановского* (Вечерняя Москва", 2002.05.16).

За употреблением метонимических имен организаций (*факультет, правление, партия*) нередко скрывается подчинение интересов личности действительным или мнимым интересам коллектива (или его руководства). Ср. такое употребление лексемы *партия*, характерное для советской коммунистической риторики, в отрывке из романа Е. Гинзбург «Крутой маршрут»: *Я спросила его, что мне делать: оставаться в партии на таком положении, когда у тебя не хотят принимать взносов? Или положить билет на стол, дав этим новую пищу для обвинений? Не поднимая глаз от бумаг, он ответил тоном, категорически пресекавшим возможность дальнейших разговоров: - Партия имеет основание не доверять вам, особенно после того, как вы отказались признать свои ошибки. А до этого мы с ним были друзьями, несколько лет жили рядом на даче. И вот он рядом со мной, в подвале Черного озера, в одной камере с тем самым Сагидуллиным, имя которого он проносил раньше только тоном самого ортодоксального негодования.*

4. Представление множества людей как однородной массы.

Частотная лексема *народ*, употребленная без определения типа *русский, украинский, грузинский* (т.е. называющая не тот или иной этнос, а простых людей), выражает множество людей как единое целое и не имеет форм множественного числа. «Тот самый *народ*, который *поддерживает, одобряет, гневно осуждает, требует* и даже *безмолвствует*. Слово *народ* обозначает то же самое, что и *люди*. С одной лишь маленькой разницей. Люди – это множественное число от слова *человек*, а *народ* – это не просто "много людей", но такая состоящая из людей совокупность, в которой наличие отдельных составляющих частей уже не обозначается». Поэтому И.Г.Милославский советует политикам, слово *народ*, обозначающее обезличенную совокупность людей, в своих речах «заменять словосочетанием *все люди* и таким образом проверять соответствие данного предложения действительности» (Милославский 1998).

В русском языке имеются такие способы представления множества людей, которые противоречат отдельности, дискретности его элементов и интерпретируют множество как однородную сущность. При такой интерпретации отсутствует словообразовательная соотносительность с именем одного члена совокупности, а также изменяемость по числу. Многие «массовые» имена имеют оценочный характер – *чернь, голь, беднота, знать*. Масса однородна независимо от количества, поэтому оценочные «массовые» имена *singulatia tantum* могут употребляться как по отношению к множеству людей, так и отдельному человеку. Этим такие имена отличаются от оценочных собирательных имен типа *офицеры* (см. выше). Например: 1) *Как в каждом городе, рядом с благородными и знатными, живет также всякая чернь, так и в каждом, даже самом благородном человеке есть в зачатке совершенно низкие и подлые черты.* ("Звезда", 2001); *Кроме народа, есть еще "чернь" — нечто внесловное, внекультурное, объединенное темным чувством ненависти ко всему, что выше его понимания и что беззащитно* (М. Горький). 2) *Но когда мне*

лезут в сумку, перетряхивают вещи - я понимаю, мне говорят: ты **чернь** и тебя никто здесь не уважает.

Все массовые имена имеют социальный характер. Номинации социальных классов и социально-экономических и политических слоев общества, как в социалистических, так и современных публицистических текстах, направлены на представление совокупностей людей как однородной массы, что предполагает сведение степени индивидуальности их членов к минимуму, ср.: *электорат, население, слои общества, верхи, низы, элита, народные массы, трудящиеся массы, рабочая сила*.

Степень гомогенности «массовых» имен зависит от регулярности реализации лексической функции Sing. Некоторые номинации множеств этого типа соотносятся с именами отдельных членов множеств, но вне словообразовательной деривации (ср. *электорат – избиратель, население – житель, публика – зритель*). У целого же ряда подобных слов (типа *верхи, низы, элита, массы, чернь*) лексическая функция Sing не может быть реализована. Подобные лексемы нередко вступают в оппозиции: *верхи – низы, элита – массы, элита – чернь*, выражающие глубокое социальное расслоение общества. Активное использование этих оппозиций в прессе нередко направлено на формирование их восприятия как естественных для социального устройства любого общества. При социализме оппозиция *массы – элита* была скрытая, т.к. правящая элита (партия и правительство, вернее, верхушка партии и правительство) представлялась как составная часть трудящихся масс. Но цель была та же – подавить интересы личности, прежде всего духовные интересы, с целью превращения личности в безликую частичку массы, в послушный винтик государственной машины.

Риторика современной публицистики узаконивает оппозицию *элита – массы* (*верхи – низы*) в современном российском обществе. Ср.: *Так был фактически принят и «узаконен» привычный для российского и советского общества разрыв между элитой и массой, властью и населением, столицей и страной, страной и миром* ("Вестник общественного мнения", 2004 г., №6). При этом меняется значение слова *элита*, и вместе со значением меняются и его грамматические свойства. В сословном обществе это понятие включало в элиту «верхушки» всех сословий, а в советское время всех профессий. В 90-х годах 20-го в. в России к элите стали причислять людей, «управляющих общественными процессами – или непосредственно, или через воздействие на общественное сознание. Это практически люди "умственного" труда - бюрократия, предприниматели и интеллигенция. ...Сейчас... для причисления к ней введен и совсем уж примитивный ценз – уровень материального состояния и доходов... Одновременно устранены критерии нравственности – способ получения состояния и доходов не учитывается» («Новое время», 13.09 2006). Таким социальным изменениям соответствует модификация семантики слова *элита*. Если в малом четырехтомном Академическом толковом словаре русского языка (МАС, 1981–1984) лексема *элита* толкуется как 'лучшие представители общества или какой-то его части', то в Толковом словаре русского языка конца XX в. (ТСРЯ 1998) – как 'привилегированная верхушка общества или какой-то его части, какой-то группы людей'. Соответственно *элитный, элитарный* – это не только 'лучший, отборный' (1-ое значение в МАС, 2-ое значение в ТСРЯ), а 'предназначенный для элиты' (1-ое значение в ТСРЯ), ср. *элитная школа, элитный микрорайон* и т.д. Если привилегированный слой общества или его части – это закономерность, то происходит типизация этого явления: лексема *элита* приобрета-

ет форма множественного числа. Ср.: *Какая из политических элит победит?*; *Казаков смог расположить к себе руководство ключевых регионов, найдя общий язык с местными элитами.*

5. Вместо заключения. Таким образом, при лексической, словообразовательной и контекстной номинации совокупности людей, говоря словами А.А.Холодовича, «множество... понимается как качество, как качественное количество» (Холодович 1979: 190). Выработанные языком формы для выражения множества, рассмотренные выше, не выражают «чистое, абстрактное количество», а приобретают дополнительные, качественные характеристики обозначаемого множества, в некоторых случаях напрямую связанные с внеязыковой действительностью. Имена множеств (но не абстрактные, формальные имена, как в математике – *A, B... M*, а естественные, языковые имена) влияют на образ называемого множества в ЯКМ. Представления о совокупности людей зависят от семантических и словообразовательных связей имени, от наличия / отсутствия и типа корреляции номинации множества с именем отдельного члена множества. Математическому множеству в наибольшей степени отвечают грамматические способы его представления в языке – формы множественного числа существительных.

Имена совокупностей людей, называя социальные, профессиональные, производственные и др. классы и группы, отражают то понимание этих совокупностей, которое сложилось в обществе и представлено в разнообразных текстах юридического, социального, экономического, профессионального, художественного характера. Человек является членом макро- и микроструктур общества как социальной среды людей. Макроструктуры представлены государствами, нациями, народностями, партиями, классами, другими социальными общностями, выделяемыми по профессиональным, экономическим, религиозным, культурным, образовательным, возрастным, половым и другим признакам. Элементарной ячейкой общества являются микроструктуры – малые группы, представляющие собой небольшие объединения людей, находящихся в прямых взаимоотношениях (родственных, профессиональных, образовательных и др.) друг с другом.

В ЯКМ два признака множества – индивидуальность его членов и целостность множества – находятся в противодействии. Есть ли такая языковая форма, способная передать гармоническое сочетание данных признаков? Представляется, что наиболее адекватно и гармонично сочетание данных признаков передают фреймовые имена, называющие референтные множества, где каждый член множества обладает своей функцией, выполнение которой соответствует интересам коллектива в целом. Речь идет об именах типа *семья, футбольная команда.*

Однако любое имя совокупности людей не передает смысл, очень важный для гармоничного существования множества людей как целого (прежде всего так называемых «малых групп», микроструктур общества) – соответствия интересов коллектива и отдельных его членов. Такое соответствие достижимо лишь при наличии духовного компонента межличностных отношений в любой совокупности людей (от семьи до творческого, научного, производственного коллектива) – любви, доверия и уважения людей друг к другу. Для того чтобы эксплицитировать гармоничные межличностные отношения внутри совокупности людей, нужны дополнительные лексические средства (*хорошая, дружная, крепкая семья; дружный, сплоченный коллектив; На кафедре хорошая атмосфера*). Ср.: *Удивительно дружная семья была так гостеприимна и уютна, что Андреев никогда не про-*

*езжал мимо и старался подогнать отдых к посещению дома Селезневых (ruscorpora: И. Ефремов. Лезвие бритвы). Да нет никакого распорядка. Хоть ночью являйся. У тебя материал, у тебя срок сдачи - остальное меня не касается. Поверь, **хорошая атмосфера**, нормальные ребята. Мое тонкое чутье на судьбу включилось сразу же, с первых его слов, за которыми я моментально уловил не обыкновенные для всего, бывшего со мной в эти месяцы, ненатуральность и пустоту, а наконец-то долгожданную достоверность. Вот оно (ruscorpora: М.Бутов. Свобода). Отсутствие гармоничных межличностных отношений не препятствует обычному употреблению имен коллективов, т.к. духовная составляющая не является компонентом семантической структуры *nomina collectiva*. Ср.: *Может быть, вернуться в Москву? Жить с Ферантом? Заботиться о нём. Плохая семья лучше, чем никакой. Это установлено психологами* (ruscorpora: В. Токарева. Своя правда).*

Но, конечно же, богатыми и разнообразными средствами естественного человеческого языка, в данном случае русского, можно описать духовную составляющую любой человеческой общности. В завершение статьи приведу два отрывка из статей христианских мыслителей 20-го века Сергея Аверинцева и митрополита Антония Сурожского, посвященных СЕМЬЕ. Православная интерпретация базовой для человеческого общества совокупности людей, по сути дела, представляет новый тип закрытого множества, в рамках которого преодолевается отдельность его членов – мужа и жены – без потери индивидуального лица каждого из них. Ср: *Не казенная «ячейка общества». Не романтический «союз сердец». Единая плоть. ... Благословенная трудность семьи — в том, что это место, где каждый из нас неслыханно близко подходит к самому важному персонажу нашей жизни — к Другому. ... Ох, этот другой — он же, по словам Евангелия, Ближний! ... Вне Другого нет спасения; христианский путь к Богу — через Ближнего. ... Мужчина и женщина, создающие новую семью, должны прийти непременно из двух разных семей, с неизбежным различием в навыках и привычках, в том, что само собой разумеется — и заново привыкать к перепадам, к чуть-чуть иному значению для элементарнейших жестов, слов, интонаций. Вот чему предстоит стать единой плотью* (Сергей Аверинцев. Брак и семья: несвоевременный опыт христианского взгляда на вещи). *И в браке, благодаря взаимной вере и взаимной любви, два человека перерастают всякую рознь и делаются единым существом, одной личностью в двух лицах* (митр. Антоний Сурожский).

Литература

- Апресян 1974: Ю. Д. Апресян. Значение и оттенок значения – Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XXXII, 1974, вып. 4, 320-330.
- Апресян 1995: Ю.Д.Апресян. Избранные труды. Т.2. Интегральное описание языка и системная лексикография. Москва, 1995. Изд. «Языки русской культуры», 766 с.
- Болдырев 2000: Н.Н. Болдырев. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов, 2000, 123 с.
- Бодуэн де Куртенэ 1963: И.А. Бодуэн де Куртенэ. Количественность в языковом мышлении. Перевод с польск. В: И.А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языковедению. Т. II. Москва 1963, 311-324.
- Кантор 1985: Г. Кантор. Труды по теории множеств. Серия «Классики науки», Москва, изд. «Наука», 1985, 430 с.

- Медведев 1965: Ф.А. Медведев «Развитие теории множеств в XIX в». Москва, изд. «Наука», 1965, 232 с.
- Мельчук 1974: И.А. Мельчук. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». Семантика. Синтаксис. Москва, 1974, 316 с.
- Милославский 1998: И.Г. Милославский. Низкие истины об унижающем обмане – Знамя, 1998 N8.
- Минский 1978: М. Минский. Структура для представления знания – Психология машинного зрения. Москва, изд. «Мир», 1978, 249-338.
- Норманн 2004: Б.Ю. Норманн. Наивно-математическая картина мира и ее отражение в языке. В: Типологические обоснования в грамматике. К 70-летию профессора В.С. Храковского. Москва, изд. «Знак», 358-368.
- Петрухина 2006: Е.В. Петрухина. Философско-филологические заметки о функциях грамматических форм в тексте. В: VERBUM: язык, текст, словарь. Екатеринбург, 2006, 313-325.
- Руденко 1996: Д.И. Руденко. Количественность и семантика имени. В: Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. Санкт-Петербург, изд. «Наука», 1996, с.181 –214
- ТСРЯ – Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения. Под ред. Г.Н. Складневской. Санкт-Петербург, изд. «Фолио-Пресс», 1998, 700 с.
- Холодович 1979: А.А. Холодович. Проблемы грамматической теории. Ленинград, изд. «Наука», 1979, 303 с.